

18+

Наталья Стукова представляет:
из серии

«Сказки моих учениц»

Наталья Дмитриева

Сборник Самоисполняющихся Сказок

КНИГА 1

*Когда было
больно*

Из цикла

*«Наташины Сказки»
Терезия Души»*

«Со-Творение»
Тренинговый центр
Салавата Юсупова

Наталья Леонидовна Дмитриева
Когда было больно. Сборник
Самоисполняющихся
Сказок. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51937226
ISBN 9785449856296

Аннотация

Перед Вами не просто сборник Самоисполняющихся Сказок – это целая история исцеления Женской Души. От боли, от любви разрушающей, от предательства и обманутых хрустальных надежд. Только благодаря написанию этих Сказок автор сумела выжить. Читаешь эти сказочные истории, и мурашки по коже... А местами и просто до слёз... Настолько всё глубоко и проникновенно.

Содержание

ИЗ ЦИКЛА	5
Белая Совушка	8
«Не ДО», или заклятье на дорогах	13
Старый пень	18
Дикообразиха	24
Любаня	33
«Слепая» или Иллюзии	37
Поговорите со мной обо мне	41
Каменюки	46
Челобитная	49
Котенька	52
Сильвия	60
Птица Феникс	67
Боль	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Когда было больно
Сборник
Самоисполняющихся
Сказок. Книга 1
Наталья Леонидовна
Дмитриева

Салават Данилович Юсупов *Редактор*

Алла Николаевна Письменная *Вёрстка и оформление*

ТЦ "Со-Творение" *Публикация книги*

© Наталья Леонидовна Дмитриева, 2020

ISBN 978-5-4498-5629-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-5630-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ИЗ ЦИКЛА
«НАТАШИНЫ СКАЗКИ.
ТЕРАПИЯ ДУШИ»**

Наталья Дмитриева, автор книги

«Взрослые иногда нуждаются в сказке даже больше, чем дети»

Олег Рой. Мир над пропастью.

Выражаю огромную благодарность моему наставнику

и учителю – Стуковой Наталье Михайловне, бережно и чутко сопровождавшей меня на крутом повороте моей непростой Жизни. И сотворившей Волиебство и Чудо, подарив мне победу!

А также всем моим друзьям, которые в сложный для меня период подставили свои руки и плечи!

Наталья Дмитриева, автор.

Ах, как первая любовь – она сердце жжёт.

А вторая любовь – она к первой льнет.

А как третья любовь – ключ дрожит в замке,

Ключ дрожит в замке, чемодан в руке!

Белая Совушка

Жила-была Белая Совушка. Была она волшебная. Талантом обладала сказочным: умела складывать такие звуки, что те, кто слышал её, начинали узнавать себя в этой мелодии и лучше становились. Глухой начинал слышать, слепой — прозревал. Кто не мог подняться и двигаться — вспоминал, что может ходить.

И вот однажды услышал её мелодию заколдованный Принц. Что-то напевала Белая Совушка. И так как талант ей был дан как Дар Божественный, и каждый мог в этих мелодиях что-то выбрать для себя, узнал в той мелодии Принц жизнь свою.

Злая волшебница Линда давно заколдовала Принца этого. Так и жила, используя дары его в своё удовольствие. Да вот наступило время, когда кончились силы у Принца. А взять их негде было – сетями окутала его злая Волшебница Линда.

Услышав ту мелодию, что напевала Белая Совушка, стал Принц расколдовываться. Только вот силою неистойвой Волшебница обладала. Люто возненавидела она Белую Совушку. Перья ей выщипать захотела, крылья подрезать, да голос её перекрыть.

А Совушка не ведала законов Злого Волшебства. Только со временем тяжело ей становилось. Всё тяжелее было ей из гнезда подняться и полететь над полями, да лесами любимыми, чтобы голос наполнить красотой небесной. Закружилась Совушка. Что делать – не знает.

Но ещё один талант был у неё. Приходили к ней в гости Вещие Сны. И вот однажды, ночью темною (а для Белой Совушки ночи стали невыносимыми), собрались на совет Вещие Сны. И решили они поведать Совушке, что за напасть с ней приключилась. И увидела Совушка огромный Сачок, на неё накинутый – такой, что на рыбную ловлю берут рыбаки. А надо сказать, помощь волшебная в том и заключалась, что только проявить, показать беду можно, а действовать ты сам должен.

И в этом Сачке всё было недоброе. Ткань его состояла из злости, ненависти, зависти (не умела Злая Волшебница Линда ткать шелковые нити – тяжкие они для неё были!)

И от того, что долго не видела Совушка этой ловушки, она всё плотнее и плотнее становилась.

Закручинилась еще больше Белая Совушка. Но тут весь её Волшебный Мир на помощь поспешил. Как почувствовали птицы певчие, да белки весёлые, да шмели лохматые, что останутся без волшебной мелодии Любви Белой Совушки, помогающей им во времена смутные да лихие, так и решили – «Будь, что будет! А в обиду Совушку мы не дадим!» И стали они к ней в дом стучаться, над ушками жужжать, неудобства создавать, чтобы поднялась и взлетела Совушка. Не просто это было, так как плотный сачок уже почти задушил Совушку.

Три дня и три ночи не спали птицы, и шмели гудели: «Вставай! Взлетай! Мы погибнем без тебя!» А Совушка то просыпалась, то снова сникала головою. И понимала она, что в себе найти необходимо то, за что смогла уцепиться Волшебница Линда, за какой такой крючочек.

Земная сила в ней была недюжинная.

А на четвёртые сутки нашла это Белая Совушка...

Да не поверила сначала глазам своим – ужели она это?

И вызвала все свои «занозы» на честный бой. И с каждой победой всё крепче становилась Белая Совушка, всё нежнее голос её звучал, всё волшебнее мелодии лились...

И взлетела Совушка. И Землю видела. И прозвучал ей голос Матушки Земли: «Ты знать должна, Совушка, что сила моя для всех, и добра я к детям своим. Но то, как и кто

ею пользуется – не в моей власти – это решать! И Земля, и Небо, и материя, и дух – всё едино! И то, что к тебе пришло – зеркалом твоим является! Благодарностью твоей пусть будет любовь к Злой Волшебнице Линде. Сильнее стала ты, и дар свой ценить научилась всё больше!»

И взмахнула крылышками Белая Совушка, и песню Любви сложила для Злой Волшебницы Линды.

«Не ДО», или заклятье на дорогах

Клара подошла к окну, еле передвигая ноги. С каждым днём двигаться становилась всё труднее. Нет, Клара не была толстой и неподвижной, просто что-то вдруг произошло с ногами, и стало тяжело ходить. Да и вставать с утра тоже не легко.

«Мда, – подумала Клара, – как там прежде писали в программках театральных? Действующие лица и исполнители: Старая кляча, она же – юная девушка».

А она-то, кто? То кляча, то юная девушка.

Сейчас, похоже, кляча... И ноги, ноги... Невозможно ходить легко. И куда делось желание действий? Как там говорила Ленка-гадалка? «У тебя, Клара, заклятие на дорогах!» Жуть какая-то...

А вот, помнится, в былые времена как писали – «Сколько листиков зелёных! Сколько веточек в саду! Сколько девушек, готовых к обороне и труду!» И ведь мотивировало!

«О, Господи! Сколько тренингов пройдено! Вебинары, се-

минары. А воз и ныне там!» – подумала Клара. Голова гудела, как тысячи пчёл. Клара чувствовала, что ответ где-то близко. Из магнитофона звучала песня Высоцкого: «Смешно, не правда ли, смешно, смешно... А он любил – не долюбил... Не до...»

В мозговом поле что-то зазвенело, знакомо так... «Про меня», – подумала Клара. Я – сплошное «Не До»! Не доделала, не доприехала, не доспала...

И вспомнилось, как однажды попала она в Волшебном лесу в осиное гнездо. Как гудели осы: «Хорошей будь! Для всех хорошей! Нас вон сколько много, только успевай уворачиваться, а не то ужалим!»

И крутилась Клара, чтобы не ужалили. Так и пошло. Она – дама отзывчивая. ОтЗывчивая...

Однажды её приятель спросил: «Что, у скорой помощи теперь другой номер?» И назвал её, Кларин, номер. На любую просьбу откликалась. Даже сама шла, как на зов вампира из «Ночного Дозора». И только намеревалась (выстраивала намерение! Фу ты, разучилась легко разговаривать. Всё как учили! Ни слова в простоте!), свои дела делать, как – то звонок подружки, то друга, то любимого. Как не помочь-то? Да и себя так хорошо потом ощущаешь – спасаешь! И жизнь прожита не зря! Не для себя, для других стараешься!

А из приёмника лилась другая мелодия. Кто -то весело так, озорно напевал: «Ты забыла про своё тело, ты забыла про своё дело!»

А сколько было задумано: походы в театр, в оперу...

– Слышь, Кларисимо! – раздался под балконом голос разгильдяя Митьки. – Рублем одаришь? До зарплаты не хватает!

Клара знала, что не было у Митяя никакой зарплаты, гульванил Митяй, как хотел. Но она дернулась, чтобы спуститься вниз. И остановилась... Знакомый импульс – «бежать» уже дал команду ногам. А дальше — «стоп!» И ноги отозвались тяжелым толчком. «Вот оно что! Вот что нависло на моих ногах! Сколько же раз я что-то начинала, но не довела до конца! Не додумала... А как додумаешь? Только начинаешь, а тебе в ухо: «Ерунда всё это. Поздно уже, не глупи. Ооо ...! Так, опять я ищу себе оправдания! Мол, надо же всех выслушать, а потом...» А потом валилась от усталости. «Будь хорошей для всех, чтобы не ужалили!»

Митяй не отставал:

– Да ты чо, Кларисимо? Ты же хорошая, понимающая такая! Не поможешь, что ли?

А когда понял, что не будет рубля, выкрикнул:

– Ну, я тебе устрою, соседка!

Страх сначала сковал всё тело... За Митяем водились темные делишки. Но, что-то изменилось. У Клары мелькнула мысль (вебинары-семинары, тренинги своё дело сделали): «Иду на страх! Там – ресурс!»

В окне отразилось лицо. Знакомое, и очень красивое. «Кто это? Да это же я!» И сделала шаг. Да так легко и незаметно! «Ну, Митяй, сейчас ты увидишь всю мою помощь! Я

тебе сейчас такое содействие окажу!» Но Митяя и след простыл.

«Как хорошо-то! Как весело не быть «хорошей»! И как путы с ног стала уходить тяжесть.

Клара шагала по дороге, напевая про себя: «Слово-дело! Сделал дело – гуляй смело! Вот-вот!

Не в разные стороны, не сразу везде, а шаг за шагом, в своём направлении! А то выдумала Ленка – заклятье на дорогах!»

Старый пенъ

Гиви пнём застыл на заброшенной лесной поляне. Его, вообще-то, звали Георгием, но братовья прозвали Гиви. Так и повелось.

«Пенёк, старый пенёк», -твердил про себя Гиви. Он давно уже ничего не говорил. Да и кому? Его никто не слушал

и не слышал! Так, по крайней мере, казалось Гиви. Старый пень, старый лес, старая поляна, заваленная искорёженными после урагана деревьями. «Эх, люди, люди! Ничего то вы не умеете довести до конца, не завершаете начатого!» И дума горькая была в его покрытой мхом голове... И вот так, по кругу, вертелись воспоминания.

Сколько же ему лет? Сто? Семьдесят? Пятьдесят три? По человеческим понятиям – старый, не репродуктивный. Не ресурсный... Бред какой-то... Но ведь, поди ж ты – а врос в землю! Толстыми канатами привязан он к этому месту...

Он хотел почесать голову. Мох был влажным и капельки стекали по тому, что когда —то было лицом. Да не тут-то было... Действовать Гиви не мог, а вот мысли скакали одна за другой, наскაკивая одна на другую... Где начало, где конец – не разобрать.

«Как же я тут оказался? Дайка, подумаю! А не соврал Федот-леший, когда я ему в карты проиграл! Как он мне тогда впарил? А-а-а, во как: «Ты, Гриха, прежде у меня выигрывал, потому как притворялся и врал много! Как ты мне клялся? Не сойти мне с этого места – говорил! И твердил, что не врешь! Так, мол, карта легла! Ждал я, ждал, когда увидишь ты, к чему приводят невыполненные обещания. А ты своё —мол, заложник ситуации. И решил я, Гриха, твердым сделать все враки твои да обещания. Говоришь: не сойти мне с этого места? Вот и замри, Гриха, на этом месте! Никуда ты больше не двинешься! А веревками толстенными привязы-

ваю я тебя к земле, чтоб для надёжности! Чтоб не морочил головы своим «Надо подождать, всё само собой разрулится!» Вот ты и разрулил!» И нехорошо так цыкнул зубом, смачно сплюнув табачок.

«А расколдует тебя птица лесная – та, что увидит ниточку, за которую потянуть можно. Сам-то ты уже обвешался мечтами, да словами с обещаниями! И каждый канат твой – это незаконченное дело, а нитями будут переживания людей, которых подвёл ты. Пока, Гриха!» – сказал, и исчез.

А Гиви не верил, что может с ним Федот так поступить. Ну, вот не верил и всё! И твердил себе: «Всё будет хорошо! Надо только в это верить!»

Но верил ли? Да нет! Сам-то он так и не дошел до конца ни до одной цели! А ведь не глуп был, да только ленился, бывало. Как там сейчас в миру говорят? А, прокрастинация! А что же друганы его? Братва весёлая? Ведь он им верил, а они...

И чем больше Гиви обвинял кого-то в своих неудачах, тем сильнее натягивались канаты, тем больше вращал он в землю. «Я сам виноват во всём!» – и опять натянулись канаты! С каждым неверным ответом тверже земля становилась.

Смеркалось. Глаза стали закрываться. Как часто он недосыпал, а потом встать не мог, а вот теперь — только и может, что спать! Как же Федька такое учудил? Чудо Лесное из него смастерил, да еще и слова в древесину превращались.

«За „базар“ отвечать надо!» Хоть и не был Гиви кримина-

лом, а мышление — криминальное!

Каждая незавершенная информационная петля всё больше к рептилиям его приближала...

И так слеза глаз защекотала, так сильно заплакать ему захотелось. Скривился весь.

И тут, над ухом его, голосок раздался. Вежливый такой голосок.

– Доброго времени Вам, Георгий! Как спалось?

– Кто тут? Ты кто? Я в чьём уме сейчас?

А голосок продолжал:

– Ах, Георгий, Вы совсем разучились быть в своём уме! Через другие умы думы думаете! А мысли-то чужие. И не можете вы познать их, так как не Вами созданы они, не Ваше это творение. А что Вы можете сделать с чужим творением? Только исказить.

– Кто ты?

– Я Птица Певчая. И я свои уроки прохожу. Задание мне от Лесных друзей было — ниточку разглядеть, и потянуть за неё, чтобы канаты стали распутываться. Но одно условие должно быть выполнено. – Какое? — прохрипел Гиви. – А вдруг не получится?

– Ну вот! Твои прежние ограничения, – ответила Птица Певчая. – Давай я тебе вопрос задам? – Подожди, куда торопиться?

– Ещё твоё любимое – отложить на потом. Ты скажи, чего ты сам хочешь?

– Я должен... – Всё, хватит! Опять – «должен!» А что ты хочешь? Ты? Именно ты? Какой первый шаг ты можешь сделать?

– Да разучился я сам двигаться, приковали меня...

– Ты сам себя приковал дорогами, не пройденными до конца. Страхами своими мнимыми, как о тебе подумают, да что скажут! Сколько головой крутил по сторонам, шея не болела? А плечи-то как согнулись!

– Подними мне веки! – уже шептал Гиви.

– Георгий, ты же не Вий! Сделай рывок! Начни смотреть и видеть! Ну, же! Действуй!

И рванул Гиви вперёд, крутанул голову мощною: «Я хочу! Я встану! Я могу!»

И вздрогнул лес от его могучего голоса. И так вдруг весело стало от силы своей, от СВОЕГО голоса, от намерения СВОЕГО!

И стал канат ослабевать. И дрогнули верёвки. И восстал Гиви во всю величину СВОЮ. Нынче вновь Георгием был он. Ведь не зря его так называли!

А Птица Певчая щebetала, глотая слезинки радости. Вот и разгадана загадка! Урок пройден!

Дикообразиха

Жила-была Дикообразиха.

Когда-то, очень давно, её звали Женевьева. Имя было красивое. Да и сама Женевьева была хороша. И всё у неё было хорошо. Семья, великая любовь, сын любимый да ладный. Достаток был. И легкая вроде, жизнь ей предрекалась. И любила она эту жизнь! И делилась щедро...

Но вот ведь что – легко отдавала Женевьева людям то, чего им не хватало, от себя отнимая. И не понимала она, что те, кому она это даёт, не могли оценить по достоинству дары её. Злились люди, в долгу себя чувствовали, хоть и брали! И мысль одна у них была: «Конечно, пожила бы как мы, покрутилась бы, да повыпрашивала, да поунижалась бы перед богатыми!» А Женевьева не слышала мыслей этих. И отдавала, отдавала... И улыбка, та, что внутри была, с лица не сходила.

Легко ступала она. Красивые волосы, одежды легкие и дорогие, да духи аромата неземного какого-то. И вот, однажды, гуляя по Патриаршим Прудам, встретила она с Колдуньей Злой. Да завистливой. Да жадной. Колдунья, прикинувшись

нищенкой, денег у Женевьевы попросила.

– Да, конечно, возьми, вот – всё, что есть! – с улыбкой протянула ей Женевьева всё, что было в портмоне.

– Ах, ты какая! Говорили мне про тебя, рассказывали! Ну, устрою я тебе жизнь земную да весёлую! Посмотрим, как с этим ты справишься, кукла эдакая! – И вслед ей воткнула Колдунья первую иглу Кощееву.

Не заметила Женевьева, что что-то изменилось. Ох, не в добрый час Колдунья ей повстречалась. И с того момента стало меняться всё в жизни Женевьевы. Начались потери, да такие страшные и тяжелые...

Всех любимых у неё отобрали. Все источники, по которым текло благополучие, перекрыли.

И так шли годы. Незаметно для себя Женевьева превращалась в дикообразиху. Нет, не от того, что страшна так стала, а от того, что всё тело её было утыкано Кощеевыми Иглами. Она приняла эти иглы, допустила их в своё пространство, в тело своё...

По-прежнему делясь с людьми, вдруг стала видеть она не улыбки, а гримасы. От горя, пережитого Дар волшебный у неё открылся – мысли видеть и запах их чувствовать. И всё себя винила: мол, больно им сделала, от того и гримасы.

Решение, принятое Дикообразихой, привело её к одинокой норе. Той, что сама своими руками она и создала. Горько ей было, кляла себя и ненавидела внешность свою ужасную. И в какой-то момент решила утопиться. А что такой жить-

то? Пошла Дикообразиха на Святое Озеро – место своё любимое, чтобы попросить за всё прощение, да и уйти с миром. Плакала долго. Вдруг ветерок подул, расплескав воду, и оттуда дивная Русалка появилась.

– Что с тобой, милая? Вижу, не с кем тебе поделиться горем твоим невыплаканным. Давай я тебя послушаю!

И так нежно да ласково голос Русалочий звучал, что выложила ей Дикообразиха всю жизнь-судьбу свою.

Русалка слушала, не перебивая. А в конце рассказа говорит:

– Милая моя, красивая Женевьева! Я помочь тебе хочу. Рано тебе в темные воды уходить, много дать людям ты сможешь! Покажу я путь тебе, но будет он не легким, пройти придётся тебе через Огонь, Воду и Медные трубы. В помощь к тебе придут три добрых молодца, только разглядеть ты их должна, среди толпы увидеть! Наградой тебе будет ларец волшебный с дарами богатыми, да только вот заплатить тебе придётся за него. Сама решишь, что отдать ты захочешь!

– Ах! Ты назвала меня Женевьевой! Я давно себя не называю так! Как узнала ты имя моё?

– О! Его ведь видно за иглами Кошечевыми. Вся красота твоя под ними сохранилась! А иглы, что позволила ты впустить, панцирем закрыли это. Достать те иглы сможешь в пути, коль решишься на это!

Недолго думая, Дикообразиха пустилась в путь. Шла она, переваливаясь, неловко ступая по земле. Не сожалела ни

о чём, лишь голос Русалки звучал в её памяти да тепло её нежное. И стали вспоминаться те её любимые, покинувшие её. И силу, поддержку она чувствовала: «Иди, Женечка, ступай уверенно и смело! В преодолении ты силу и красоту свою вернёшь!»

Вдруг жаба выпрыгнула на встречу ей, напугала сильно. «Фу, ты, гадость какая», – подумала Дикообразиха и остановилась... Не её слова звучали, а Колдуньи Злой, той, что Иглы Кошцеевы воткнула. «Я не хочу говорить твоим голосом, мой голос совсем другим был!»

И увидела она, что лес горит, вот уж пламя захлёстывает посадки малые, и птицы плачут над ними. Не помня о себе, бросилась Дикообразиха тушить огонь. Трещали иглы Кошцеевы на спине её, да не думала она об этом. И что странно, всё меньше игл этих оставалось.

А тут и реченька поднялась, волной накрывать её стала. И откуда-то слова добрые пришли – «Матушка-водица. Сестрица-водица, ты, память земную во все века хранящая, дай пройти мне к дворцу заветному, да помоги мне встретить молодцев добрых да смелых! Я многое знаю, через многое прошла. И людям предать хочу те знания, что в помощь им!»

Услышала её водица, притихла, волны свои успокоила и легким покрывалом накрыла горящие иглы её. Тело стало успокаиваться, и любовью к нему обратилась Дикообразиха. Поблагодарила за службу верную и еще легче ей стало.

И снова побрела она к дворцу заветному. И шла пока, вдруг понимать стала, что всё, что ей нужно, уже есть в ней самой. И стоит ей на что-то решиться, забыв про то, как она выглядит, про то, что о ней подумают, да и стараться не будет понравиться да подладиться, как само собой всё получится.

Гордость охватила Дикообразиху. И вновь услышала голос Колдуньи Злобной:

– За то, что лучше других себя считаешь, что, мол, многое умеешь да свысока подсказываешь, еще иглу тебе воткну!

И сразу сгорбилась Дикообразиха, да зашаталась под словами этими.

– Ишь ты, – не унималась Колдунья, – сырки она глазированные дарит, да денег не берёт! Мол, выше она унижений этих! Сама попросишь, как увидишь, что другие, те, кому помогала, забыли про тебя, да смеются над тобой!

Но слышала Дикообразиха и другие слова:

– Иди вперёд, любимая наша Женевьева! Мы рядом, мы помним и любим тебя! И силу нашу тебе отправляем! Ты вспомни, как легли болезни наши на руки твои нежные и как ты нас лелеяла и холила! Ведь тело если и исчезнет, то память о делах твоих навеки останется! Ярок твой след остался!

И эта волна любви и нежности вновь подняла Дикообразиху. И путь свой продолжила она.

А там, впереди, на горе высокой, Замок уже сверкал огнями яркими. Толпа людей приближалась к Дикообразихе.

– Уродина! Злая! Старая! – неслись крики, втыкая Иглы Кошечевы... Но Дикообразиха не чувствовала укулов этих, так как поняла она и осознала, что Дар свой внутренний несет в помощь тем, кто принять его хочет. Кто страдал и смог подняться, кто остался равнодушным к горю да печали людской. И красота её от того, что она отдать может. От избытка, полученного в пути. Красота её – в преодолении и знании глубоком.

И из толпы три добрых молодца, три богатыря к ней вышли.

– Прими, Женевьева, ключ от ларца, что в глубине Замка спрятан! Пока не прошла ты путь свой, пока чрез боль, чрез страдания не узнала, чем ты ценна, пока не полюбила себя, безобразную, не было у тебя такого ключа! Не доступен был он! А мы отныне и навсегда твоими Богатырями будем! В печали да в радости опора твоя – в плечах да руках наших!

И склонили головы они свои. И передали ключ этот.

К замку подошла Женевьева, по лестнице мраморной спустилась вниз. Да легко так шла она! А комната, в которой Ларец находился, вся зеркалами украшена была. И отражением своим залюбовалась Женевьева. Вновь, вместо Игл Кошечевых, были на ней одежды шелковые. Да волосы красиво расплескались по плечам. Да аромат нежнейший исходил от них.

– Я! Это снова Я!

Тут и Богатыри вновь рядом оказались. И в руках ларец

заветный они держали.

– Мы низкий поклон тебе от Рода Славного передаём! Там Герб и печать тебе принадлежащие! Очистила ты Род свой Славный. Так будь же ты всегда светла и богата!

Открыла Женевьева тот Ларец, а там каменья драгоценные да купюры денежные! Смутилась она, да и говорит:

– Я не о награде думала. Лишь делала то, что сердце мне подсказывало! Не кляла судьбу. Знала, что раз идут мне испытания, так по плечу их вынести! И путь я познала сама. И рассказать хочу я людям, как идти по нему!

И молвил Богатырь:

– Дары волшебные эти – чтобы ты не страдала о хлебе насущном, делами, да творениями своими ткань судеб украшала! Скажи нам, примешь Дар ты этот?

И склонила голову Женевьева. И приняла Дар от Рода своего!

Любана

Любаня плакала уже третий день. И так горько ей было, так горько...

– Что ж ты плачешь, Любонька? Глазоньки свои портишь? Гляди, как личико-то поплохело, да посерело? Что за кручина у тебя, внученька? – спрашивал её Дед Ефрем.

– Ах, дедушка, ну опять Иваша меня предал, опять обманул! – слезы вновь брызнули из глаз Любоньки. – Обещал мне корову выгулять, да траву накосить, да цветов подарить! Я ждала его, ждала, а у него —обстоятельства! Федька на рыбалку позвал да Гунька на работу вызвал!

– Ох, девонька, строга ты к Иваше! Ох, строга! Да что случилось —то такое страшное? Ну, обстоятельства! Ты ж знаешь, что Иваша – парень добрый, всем угодить любит. Да важно для него, что люди скажут! Ведь не впервой же, Любонька!

– Он обещал, он меня предал! – рыдала Любонька.

А Дед Ефрем всё своё ей:

– А ну-ка, скажи мне, милая, что ты кличешь предательством?

– Деда, он говорит одно, а делает другое!

– Ох, Любонька, так думает- то вообще третье! И сам мыслей тех боится. Бегает, себя уговаривает. И тебе говорит так, как ждешь ты от него услышать. Ты, девонька, не жди ничего, не требуй, и горя у тебя не будет! Ведь горе-то, Любонька, тогда, когда за другого думаешь, за него честной да верной быть стараешься! А свою силу, девонька, теряешь! Ту, что на красу твою пошла, на радость девичью!

– Ой, дедонька, а у тебя так было? Что про предательства?

– Ии, милая! Сколько было этого. Да страдал я, называя их недругами, да по-всякому! И тошно было смотреть на них, и тело моё стонало да плакало! Думал я, что сделать-то с этим надо? Как боль свою облегчить? И подумал я, а кем они себя считают? Встал я на их место, головою их подумал, и понял вдруг, что они-то сами запутались! Что поступая так, как привыкли, радость они чувствуют от того, что всё, как прежде, менять не придётся. А там, где прежде, ясно всё, да и понятно. Привычно, стало быть, Любонька! Ведь не может же человек сказать, что плох он оказался. Вот и твердит, что так и надо. Что, мол, прав он. И состраданием наполнился я к метаниям их, к беде такой, что думают одно, чувствуют другое, а делают третье! Хворают они, Любонька!

– Ой, дедуля, они что ль психами называются?

– Да что ты, милая! Просто каждый по-своему удобство понимает. А сказать не может. Потому как сам в тот момент так думает. А потом меняется что-то, вот как удобно —

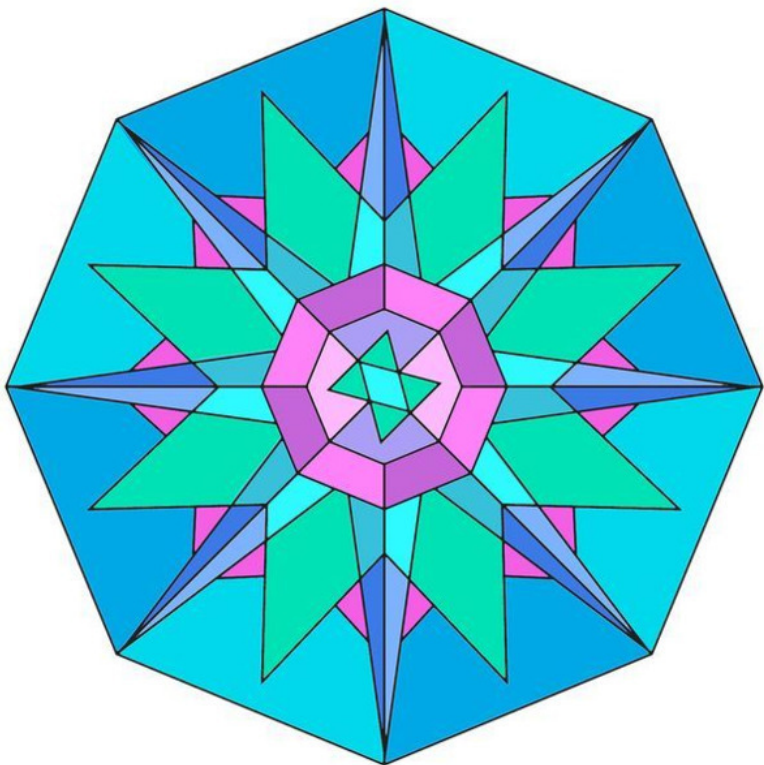
обстоятельства! Они, обстоятельства, всегда меняются! Да не каждый управлять ими может! Вот и ты, Любонька, каженный раз так плачешь, да горюнишься! Ан, дело ли? А ну, давай-ка удовольствие не в обиде найдешь, а в том, что сделал так Иваша – а значит, показал тебе, Любонька, что тебе самой понять надо. Чтобы глазоньки не болели. Да личико не морщилось.

– Что ли он хороший, дедушка?

– А как же, милая! Гляди, как старался для тебя добра сделать, что себя покривил! А то, что Иваша —такой близкий, и вместе вы уж давненько, вот и такая у тебя боль на него сработала. А без боли, детонька, да без трудностей, ничего не бывает! Так что, поблагодари Ванюшу за подарок ентот. Да, девонька! Река-то Жизни – она такая! С порогами. Ты свой —то плот ровняй, милая. Чтобы пороги пройти буйные.

И просветлела лицом Любонька – так ей легко стало! «Ох, Иваша! Ох, старается для меня! А что я ждять —то буду? Вон, Миха без работы мается. Яичек Рябовых ему отдам, да молока Бурёнова, да слово ласковое за помощь! И чтоб не ждять, не ждять. не ждять! Ведь я сама вынуждаю Ивашу так со мною сделать-то. А коль во мне та хворь уйдет, другое отразит Иваша!»

«Слепая» или Иллюзии

Мария сидела на террасе и размышляла.

Что-то не то стало происходить с её зрением. Не то, что бы ничего не видела, а как-то через пелену.

Печень, что ли? Психосоматика? Печень отвечает за зрение! Гнев? Да, и это было. Гнев на себя, на свою дальность, что была у неё с детства. «Ты, что не видишь, что происходит?» – говорили ей.

А она не видела, она слышала... Для неё было ценным то, что слово – дело!

А для него – нет! Та, другая, знала его гораздо лучше. Она знала, что слова то ничего не значат, поговорит, потребует, да и отстанет – можно и не слушать, что говорит. «Всё равно заставлю его сделать так, как я захочу! Угрозами. скандалами, рукопашной». Зная его жизнь, очень хотелось Марии возродить у человека уважение к себе, честь, достоинство. Да, видимо, у них были разные понятия об этом...

Вот ведь, как у купцов прежде было выражение: «Я тебя

в порошок сотру». Если человек нарушал обещание, то никто потом дела с ним не имел.

А она имела. Потому что слушала, а не видела!

О чем же они говорили в последний раз? Об ответственности. Сейчас про это все говорят! А ответственность – это не вина. Это те круги на воде, которые пойдут от твоего решения, те последствия, что будут происходить. Вот на это никто и не смотрит. И она, Мария, точно так же поступала.

Так что же пошло не так? Её игрушка, любимый калейдоскоп, там есть стёклышки – поворачиваешь трубочку, и стёклышки создают разный узор. А сейчас калейдоскоп, похоже, сломался... Узор как застыл... Узор не меняется... И видит она одно и то же... А ну-ка, если встряхнуть, повернуть понастойчивее? Получилось! Получилось! Как, оказывается, просто! Посмотреть на все, провернув калейдоскоп. Ага! Вон оно что вышло! Спасатель! Она опять попала в эту роль! А жертва, которую спасали, совсем не так хотела спастись! И теперь роли поменялись. Беда с калибровкой, вот где засада!

Честь от слова честно. А как, если самому себе признаться сложно и лучше ничего не говорить. Потому что, если не получится, то можно сказать, что, на самом деле ты так и хотел! И найти шест, вокруг которого можно сплясать свой танец!

«Так вот куда ушла вся моя энергия – на поддержание иллюзий, своих. Да и чужих, кстати тоже! А если еще повернуть калейдоскоп? О, вот уже и другая картинка вырисовы-

вается!»

Но это же её калейдоскоп. У другого – свой. И каждый по-своему наблюдает картину в своем калейдоскопе!

Поговорите со мной обо мне

Её тошнило. Её опять тошнило. Её просто выворачивало на изнанку от этой тяжелятины, которую она никак не может переварить.

«О, Господи, помоги мне! Меня сейчас просто разорвёт!»

Казалось, что вместе с телом на мелкие кусочки разрывается её душа!

Это началось очень давно, когда была клиническая смерть... Её вернули в тело, но вместе с этим наградили удивительной способностью слышать мысли людей... Даже те,

которые ещё только формировались...

Когда она соглашалась на этот обмен, то не думала о последствиях своего решения. Потом стала меняться её внешность. Её волосы, всегда тяжелые и прямые, сначала почти все выпали, а потом закрутились крутыми кольцами. Она стала чувствовать картины, ей ничего не стоило поместиться в полотно и ощутить всё, что там происходило.

Мама очень испугалась, когда Света рассказала ей об этом... Таскала по врачам... Ничего плохого не нашли, а вот в НИИ заинтересовались ею и предложили обучаться в этом направлении... Но к чему учиться, если это было и было. А дальше чувствительность всё усиливалась. Когда в комнату входил человек с чем-то чуждым, у неё резко портилось настроение и она, безошибочно определяла, от кого идёт волна.

Света пыталась говорить об этом со своими знакомыми, но то, что они говорили ей, и то, что они о ней думали, было разным... Стараясь не пугать их, испытывая непонятный стыд, Света прятала глаза. И всё происходило...

Но ей казалось, что у всех так. Не только у неё. «Что же я чувствую приближение плохого? Как назвала это мой Учитель – мозг настроен на волну Безнадёга-FM! Как она права!»

Больше всего ей стало страшно, когда однажды, в вагоне электрички, как прожектором насквозь прожигая, она увидела всё то, что было надето под верхней одеждой! Тяну-

лись к ней люди, вопросы о себе задавали. Ей нужно было совсем немного времени, чтобы прожить их жизнь и понять, в чём же там проблема. И она говорила. Ей не составляло труда увидеть всё, но постепенно становилось всё невыносимее. Её тошнило.

Сражались с ней и маги темные. Она не боялась, выходила на бой с открытым забралом... С собой закрывая.

Но бедное её тело пропускало через себя и выбрасывало. «Не обманывайте меня! Все искажения проходят сквозь. Я совсем изранена...» Крик рвался наружу. «Поговорите со мной обо мне! Послушайте! Услышьте!»

Она подошла к печи, там жил любимый сверчок Цевырлик.

– Ну что, Светуль, на этот раз? Опять колдуют? На тебя или на близких?» – спросил Цевырлик. – Похоже, ты один меня слышишь. То, что я хочу сказать.

– А кому нужна твоя правда, Светуль? Ведь прячут мысли, не умея думать по-другому! А у тебя, гляди-ко, что получается... Только озвучишь, как всё и сбывается. А человек думает, что ты «накаркала»! Хотя наша ворона Варька всегда нам с тобой в помощь!

– Ах, Цевырлик, устала я! Думала отказаться от дара этого! Ведь как получается, человек сам не виден, а облако негатива вокруг так и светит, так и пахнет! Но Дар вернув, жизнь моя закончится! Я бы хотела научиться эти вести в радость превращать, да не знаю, как!

– Да ты, Светуль, не кручинься! Сейчас совет соберём и найдем выход верный.

Цевырлик издал свой волшебный звук, и вся команда была в сборе.

– Ну, начали мозговой штурм! – скомандовал Цевырлик.

А Свете это теплое, надежное окружение помогало найти верное решение. И пришло к ней то, что не видела она раньше.

Ворона Варька, белка Эла и собака Люсси таким теплом её окутали, ласковым взглядом да нежными звуками отчи-стили, отбросили всё тугое да липкое.

«А ведь они принимают меня разной, с моими недугами, с настроением. И не уличают в мыслях моих! А я? Я почему так не делаю? Мне зачем надо плохое чувствовать? Да проговаривать?»

Так хочется предотвратить. Особенно, когда любимый человек... Видимо, не так это необходимо! Свой путь, свои шаги, свои переплёты...»

Каменюки

Олюшка услышала какой-то звук. Как будто птица билась... Да, так и есть! Птенец залетел к ней в горницу через дверь, а окна были закрыты и вылететь он не может!

Птенец чувствовал приближение Олюшки, и еще сильнее начинал биться в окно. «Ой, милый мой! Сейчас, сейчас я тебя освобожу» – шептала Олюшка.

На удивление легко птенец дался ей в руки. «Маленький! Милый, как же ты испугался!» – приговаривала Олюшка.

Сердце у птенца колотилось так, что отдавало в сердце Олюшки. Казалось, что по размерам оно было больше самого птенца!

«Ах, птиченька! Как же мы с тобой похожи! У меня тоже такое огромное сердце!» – так думала Олюшка, выпуская перепуганного птенца.

Как билась её душа! Как звала она, искала родную душу! Такую же горячую, щедрую, любящую! Олюшка представляла, как тот, кого зовёт она, её находит! Какими волшебными будут эти прикосновения душ, касание рук... Он сейчас на расстоянии, но он найдет её! Он обязательно её найдёт!

Олюшка слегка встряхнула головой: «Да, так и есть! И так будет! И мы уже никогда не расстанемся!»

Волосы её слегка пахли полынью, она любила этот горьковатый запах. Выйдя из горницы в свой дивный сад, Олюшка наткнулась на камень. «Надо же, каменюка какой, мне путь преградил!» – мелькнуло в её мыслях. Олюшка любила раз-

мышлять, потянув за ниточку узора судьбы...

Что же это за каменюки, которые мешают соединению душ? Откуда они берутся? Вот ведь, кажется, что близкая, родная душа, а вдруг — спор, или что еще хуже, ссора возникает! И то, что так сближало их, камнем становится, твердое общение... И невозможно растворить, потому как, вот он — каменное лицо, каменный голос, слова неприятные да колючие! И столкнувшись лоб в лоб, каждый со своей правдой, создают такие камни. Каменюки... Так от чего же так? Ведь если искренние отношения (нет камня за душой!), то и сказать всё можно, всему открыться! А коль кто-то утаить чего-то хочет, то и получается, что если ненароком направишь туда внимание, так волна поднимается! Стоячая! Значит веры нет к друг другу!

И повела её ниточка по её жизни...

Сидела Олюшка, растворяла свои камешки, чтобы часть свою убрать — тогда, глядишь, и легче сдвинуть всё можно... Олюшка опять закручинилась... «Нет, не сдвинешь, только обойти! То, что ранить может, то что тяжелое сейчас, так значит, и не время — это вытягивать! Научиться б видеть, где эти камни-то дорогу преградили, чтобы не биться потом в стекло, думая, что там — свобода!»

Запела Олюшка. Голос у неё был волшебный, наполненный любовью и нежностью! И в песне этой передавала она зов душе своей родимой!

Челобитная

Сороконожка Клара еле передвигала все свои сорок ног.

Сороконожила она к горе, возле которой горел её Костёр Всепрощения.

Она подползла к подножию горы. Огонь не гас никогда.

У огня лежали свитки с именами. На этот раз Клара пришла за покаянием.

Достав первый свиток, Клара прочитала название: «Челобитная». И стала читать вслух...

Как прежде ей казалось, что искру света несёт она. Но, в какой-то недобрый час, показалось ей, что право имеет не только искру света нести, а свой огонь отдать... Да сгорали порой от огня этого! А она в вираж вошла и опаляла, опаляла!

Челом она билась оземь, каялась за крылья, подпаленные! Ведь прежде ходила она на двух ногах, красивых да легких! Да от действий своих усиленных, начала ползти она да спотыкаться, в ногах путаясь. Вину свою чуя, плакала Сороконожка Клара, огню рассказывая, читая свою Челобитную.

Брала она свиток за свитком и каялась, и каялась...

И с каждым именем, что вспоминала – благодарила за уроки, пройденные да слезами её умытыми, всё больше выпрямлялась она.

И заплясал огонь её покаяния... И шепнуло ей пламя: «Вернула ты себе свой светоч, искру яркую! Сошло то колдовство, что разум застило, что тебя превратило в Сороконожку и ты, запутавшись в шагах своих, ползать стала. Напутствием тебе – твой костёр покаяния! Но до него дойти

надо! Ты – пришла! А теперь ты вновь —Кларисса! Та яркая звездочка, светлая, путь осветляющая, сквозь пелену да туманы пройти помогающая! И тот, кому свет твой отзовётся, поднимет голову, да и с тобой пойдёт!»

Легко поднялась Кларисса, не заметив даже, что вновь светиться стала... Пошла она по дороге лесной... И свет её всё больше виден был. И головы поднимали люди, и улыбкой да радостью светились лица их!

И свет её не опалял более, лишь указывал на путь новый! И от каждой искры, людьми взятыми, всё ярче светилась Кларисса, всё больше света от неё исходило.

Котенька

Жила-была Котенька. Она была хороша собой, но не знала, что такое Любовь. Что такое, когда тебя любят.

У неё были строгие родители: мама Барса и папа Мурз. И не было у Котеньки ни сестёр, ни братьев. И Котенька не знала, правильно или нет она что-то делает. Мама Барса ей часто говорила: «Делай так, как я тебе говорю, заслужи, чтобы мы тебя любили!» Котенька запомнила: для того, чтобы тебя любили, надо всё делать, чтобы это другим нравилось. Но, в результате, мама Барса всё равно была не довольна и выставляла всё новые требования. Котенька не знала, как же заручиться, что обещания будут выполняться. И она стала задавать вопросы: «Ты обещаешь? Ты точно обещаешь?»

Ей обещали, но не выполняли, потому что всегда находилось то, что Котенька сделала не так. А её очень сильно наказывали за невыполнение обещаний отсутствием мурчаний и ласковых поглаживаний!

Так и росла Котенька. Мама Барса и папа Мурз говорили ей, что скоро её будут в люди отдавать, хозяина найти ей хорошего надо. А как понять, что он хороший?

«А! Обещания я буду выполнять, и он меня любить будет!» И дала себе Котенька слово, что не сойти ей с этого места, если нарушит она то, что обещала Хозяину.

А Хозяева ей встречались разные. Обижали Котеньку, а она кручинилась, да тихо плакала. «Как же так! Ведь я всё делаю, чтобы любили! И ласковая, и когти прячу, чтобы не сделать больно, и песни какие на ночь пою, и мышей ловлю. Служу, как пёса верная!» Убегала Котенька от этих

Хозяйев, всё своё нажитое бросала... И чтобы как-то выжить, стала она стараться предугадать, когда и где её обмануть могут. Перестала она доверять миру. Решила Котенька, что все обманывают. Что лучше, чем она сама, никто не сможет увидеть, что затеял любой встреченный ей человек. На самом деле, хотелось Котеньке быть чьей-то, принадлежать кому-то, а вот уж она сделает всё для этого Хозяина.

И вновь неудача её настигала... Говорили ей: «Ты моя любимая кошечка, распрекрасная Котенька, любить тебя буду» Котенька думала: раз любить будет, значит не обманет! Так ей хотелось, чтобы всё надежно в жизни у неё было. И в глаза смотрела, и вопросы задавала: «Честно? Честно-честно?» Её успокаивали, слова нежные да гладили её... И Котенька по пятам ходить начинала за Хозяином И всё смотрела, куда он пошёл. Закрывается за дверью, так она лапками упиралась да открывала дверь эту. Прогоняли её: не лезь, говорили.

А Котенька всё по —своему сделать хотела.

«А вдруг он уже задумал меня выбросить?» Так и было.

И стала Котенька коготки выпускать да царапать больно... Только и это ни к чему хорошему не приводило.

Ото всех ушла Котенька.

И иногда, в своём уголке горько плакала Котенька да зализывала раны, потому как за царапины её больно били. Сильнее, чем она могла выдержать. Не знала Котенька, что с этим делать.

Ушла она в лес, одна жить стала. Что найдет, что сама для себя сделает, то и есть у неё.

И вот однажды вышла она к ручью. Красивый, чистый ручей был! Так журчал, как и сама Котенька умела. Заговорила она с ним.

– Ты чей, ручей?

Ручей отвечает ей:

– Я – ничей! Я просто теку сам по себе, свечусь водой своей чистою. Приходят ко мне люди да зверюшки разные, чтобы воды моей чистой напиться.

Котенька не могла понять, а как же он, ручей, не боится, что его могут плотиной перекрыть, да и высохнет он. Ведь всё заранее предусмотреть надо, чтобы упредить беду-то.

– Да какая беда, Котенька? – журчал ей ручей. – Вот камень положат, да плотину построят, так что ли я упираться в это буду? Продавливать? Нет, Котенька, я в обход воды свои пушу. Ведь все равно я туда, куда хочу двигаться буду. Да зато с ласкою, да с песней нежною. И также будут зверюшки, да путники ко мне приходить, чтобы напиться воды моей чистой, когда жажда их мучить будет. Да и благодарны будут. А я еще больше чистотой наполнюсь.

– Так что же делать мне, Рученька? Я ведь ищу Хозяина своего, чтобы принадлежать ему, а он мне бы только радость да любовь давал!

Ручей говорил ей:

– Котенька, так не бывает, что только тебе одной радость

да любовь давали! Вон ко мне сколько зверюш разных да людей приходит! Ты думаешь, что они никуда не смотрят больше, не радуются другому? Но не привязываю я их, не беру обещаний на верность. Ведь и у меня по-разному вода течь может! Всё так в мире устроено, Котенька, что по-разному шаги все свои делают. Дождь пройдёт, если сохнуть я буду, да и водой меня наполнит. Грустно будет, так ветерок с деревьев листья накидает и как кораблики, листья те со мной играть будут!

– Ой, что-то не верится! – думала Котенька. Но если Ручеёк такое говорит, жив и весел да чист остаётся, хочу и я так попробовать.

И двинулась Котенька в путь. И еще слова странные сказал ей Рученька:

– Зачем ты Котенька всё Хозяина ищешь? Зачем ты хочешь всю себя отдать?

Набрала в бутылочку водицу из ручейка, чтобы напиться радостью да чистотой, когда усталость морить будет. Гребешок взяла волшебный, чтобы шерстку расчесывать можно было, коли в колючках да репьях запутается. Да и паутину снимать. Да и точилку серебряную, чтобы царапучки свои о неё точить можно было. Шла Котенька, проголодалась, а тут ей Малина лесная попадается:

– Возьми, Котенька, ягодок поешь!

Котенька коготки заранее выпустила, ведь и у Малины тоже колючки имеются. Засмеялась ласково Малина лесная:

– Ох, Котенька, не веришь ты, что просто так тебе помогут без стараний твоих. Не хочешь помощь просто так принимать.

Пошла дальше Котенька, лапочки уже исколоты её были, шерстка вся запуталась Заплакала Котенька. А тут Ивушка плакучая над ней склонилась да ласково так ей шепчет:

– Расскажи мне, милая, что приключилось с тобой?

Поведала ей Котенька, что Хозяин её прежний такой весь твердый был да упрямый. Что как не пыталась она в сердце у него поместиться, только на краешек пустил он Котеньку. А она всем сердцем владеть хотела, да лапками-то упиралась, да лбом пробить ту стену пыталась. Только выгнал он её, за дверь одну выставил. «Зачем же, Котенька, ты в дверь-то закрытую головушкой бьёшься? К чему она тебе нужна, Котенька? Вон, посмотри, какая ты нежная да милая, как любим мы тебя. И сами видим, когда поддержка тебе наша нужна будет!» Всё внутри Котеньки пело ласково. Да вдруг как мелькнёт Ворон черный, как каркнет: «Не верь, обманут!» Да так каркнул, что чуть не споткнулась Котенька. И опять вспомнился ей ручей Рученька с водицей волшебной своей. Глотнула Котенька, и легче стало ей. И вспомнила Котенька о гребне своем. Попросила его, чтобы расчесал он мысли её.

И вдруг поняла Котенька, что благодарность чувствует к Хозяину своему за то, что оставил он её один на один с болью и непониманием. Все ответы она в глазах да словах его искала, а, оказывается, целый мир взамен ей открылся!

И так легко ей стало от того, что можно миру довериться. Что не надо в дверь ломиться закрытую. Коли закрыта она, так, значит, кому-то это нужно. Нельзя продавливать, где замок навешен!

А вот когда выгнал Хозяин Котеньку, так хотелось ей, чтобы загрустил да позвал обратно. А теперь изменилось всё, поняла Котенька, что не надо ей искать Хозяина, чтобы любили её да ласково шкурку расчесывали, да за ушком гладили. Надо только довериться Большим Сильным друзьям своим, они всё ей подскажут и так дорогу выстелют, что легко и радостно по ней идти будет. И всё в своё время сбудется!

Отныне и навсегда в помощь Котеньке – Всемирная мудрость да забота нежная Великанов-деревьев, да ручейков и рек чистых. И коли трудно будет, стоит Котеньке нежно мякнуть, как на помощь придут. И лапоники её не будут битыми, и шерстка шелковой оставаться будет! Как на руках перенесут её через все невзгоды!

И не надо доказывать ей верность да службу свою! И не требовать! Всё само собой сделается!

Лишь довериться надо да не ломиться в дверь закрытую!

Сильвия

Маленькая нежная ласточка, с красивым оперением, волшебным голосом... Как красиво она умела летать! Но не легка была жизнь Сильвии: разоряли её гнездо, разрушали, да и птенца её ранили и погиб он.

Но такая была красота в самой Сильвии, что ни мстить, ни ненавидеть не умела она. Не хотела, чтобы зла на Земле становилось больше.

Восстанавливала она гнездо своё, да в небо выше поднималась. И давали ей небо, ветер, да облака поющие, поддержку свою.

Но вот однажды летала Сильвия над полем своим любимым. И слышит, в овраге кто-то стонет. Подлетела она ближе, а там Птиц, прежде Гордый, с крылом поломанным лежит.

Склонилась над ним Ласточка Сильвия. – Что приключилось с тобой, Птиц, прежде Гордый, – спрашивает она.

И молвил Птиц ей:

– Разрушена жизнь моя. Ушел я от Марёны своей, уж и не было жизни там, одни осколки остались. Да не легко мне пришлось, крыло сломано, болит да кровоточит! – Я помогу тебе встать на крыло, – сказала Ласточка.

И стала к крылу да к ранам этим волшебный эликсир прикладывать, да трели нежные напевать, чтобы вспомнил Птиц тот раненный, что прежде Гордым был.

И казалось им двоим, что счастье, наконец, пришло. Так тепло и ласково Птиц Гордый вторил ей и взлететь высоко готовился. Да не тут-то было...

В какой-то миг всё вдруг поменялось, и поменял тот Птиц всё в жизни их.

И плакала Ласточка, рвалось сердечко, когда видела, как

Морок окутывает Птица. почти ставшего вновь Гордым.

Услышав песню её кручинную, подлетел к ней Мудрый Соловей.

Поведала Сильвия, что в жизни случилось её. Что вновь гнездо разорили.

И говорит ей Мудрый Соловей:

– Всякая сила на Земле есть, что Черная, что Светлая, у всех присутствует. Лишь по-разному каждый распоряжается ею.

Ты пойми, Ластонька, тебе для того, чтобы жить, не нужно никого к себе привязывать. Лишь ввысь подняться да песню вспомнить свою. А у других иначе бывает. Марёна эта, еще с рождения от мага темного дар получила, ленту клейкую ей дали, которой, если обернуть – не оторваться. Да и силы черпать она будет, привязав к себе вожделением. Вот и Птиц, прежде Гордый, приклеен был. Не видел, не понимал, одурманенный. И знала она, Марёна, что никто от неё не вырвется. А Птиц иногда прозревал. Да силенок не хватало, потому как у Марёны талант есть – о оземь она ударится, да и предстанет перед ним то одною, то другою, и не успевает Птиц разглядеть до конца, да выводы верные сделать, как ещё с какой-то стороны повернётся.

И стало ему казаться, что так и надо. Другого-то не давали ему видеть.! Да перестаралась, видать, Марёна. Больно ранила, да крыло сломала. Решился улететь тот Птиц. Да только не может Марёна, чтобы кто-то не дал ей по —своему де-

лать-то. А Птиц, он Прежде Гордый, уже ручной совсем был. Да, тут ты, Сильвия, – луч светлый в Мороке том! И стала Марёна думать, что не углядела она, ведь все пути дороги перекрыты были!

И каждое перышко твоё, Ластонька, тобой оброненное, к себе приклеила. А на тебя перебрасывала всё то плохое, что в ней было. Вот и накопилось, и стало твердым, да и увидел Птиц, Прежде Гордый, в ней тебя, а в тебе – её! Способная она, Марёна. И слышать тебя перестал, да и сам сказать ничего не мог, лентой клейкой всё застелено. А ты же знаешь, Сильвия, что чем больше позолоты на решетке, тем сложнее птице улететь!

– О, Соловушка, так и погибнуть Птиц, Прежде Гордый может? – всё в слезах билась Ласточка. – И так случается. Только не погибнуть, а застыть, заморозиться. Вон сколько «замороженных» вдоль реки жизни стоят, а зайти в воду не решаются, морок их опутал. Да и Марёну пожалеть только можно. Сколько сил-то у неё да напряжения, чтобы удержать, да чтоб никуда, ни-ни. От того и взгляд у неё неподвижный, боится отвести его, чтобы в поле своего контроля было-то всё.

Такая тяжесть на Сильвию навалилась, когда рассказал ей Соловей Мудрый, что происходит-то.

– Так не твоя это тяжесть, чужую чувствуешь! Да помогу я тебе Ластонька! Свет да тепло от тебя исходит. Ты от той стороны сердца, что чистая да добрая, да Любовью твоей напол-

ненная. Передавай Ветру да облакам свои слова нежные, чтобы высокое чувство той Любви Безупречной, да Свободой наполненной услышал Птиц, Прежде Гордый! Ведь ты же знаешь, Сильвия, что не бывает Любовь с цепями. Не Любовь это, а использование для удобства своего. Месяц вокруг себя обернётся, начнёт Морок с Птица сходить...

Так всё и случилось. Вновь дороги Ластоньки, да Птица, Прежде Гордого, сошлись... Не говорили они вначале, не умели слова болючие забыть... Да и решили по-другому разговаривать... Чтобы в каждом слове, друг к другу направленному, не было раны нанесённой, а лишь нежная трель Голоса Любви раздавалась.

Шло время, привыкали они к себе новым. Еще слегка настороженными движения чувств оставались. Но еще пять раз месяц вокруг себя обернулся, и сошел тот Морок окончательно.

И зажили они хорошо и счастливо. И смешным всё страшное стало казаться им, потому как поняли они, что только высоко поднявшись над обидами, да над обвинением, да над горечью увидеть можно, что же есть на самом деле.

И поклялась себе Ласточка Сильвия быть со словами осторожной, да трепетно ко всему относиться, ведь всё, что есть в мире, имеет право на существование... Иначе не было бы этого! И за каждым выбор стоит, во что он силу свою повернуть захочет.

Поблагодарила Сильвия Соловья за мудрость его, за со-

вет, за помощь и клювиком написала послание своим потомкам.

А слова те – они всем известные, да ею осознанные через боль были:

Не ломись в двери чужих сердец – так они ещё сильнее закроются пред тобой. Стань желанным гостем, и пред тобой откроется любое сердце!

Птица Феникс

Сегодня утром она проснулась с давно забытым радостным настроением: «Что-то хорошее должно произойти,» – подумала Крис.

Сон, ей снился волшебный сон... Что же это была за мелодия? Она не могла вспомнить... Что-то очень знакомое и нежное. Такое нежное, что можно вспугнуть одним неосторожным движением. С ней давно такого не происходило. А ведь Крис знала это звучание наступающего счастья.

Много боли, потерь было в её жизни! Но она не жаловалась на судьбу. Закусив губу, чтобы не кричать во весь голос, уходила в комнату, где давала волю слезам.

Да и слезы всё реже могли прорваться.

Отложенное, затаенное...

Когда-то, в школе, любимая учительница по географии сказала ей —«Знаешь, Крис, как можно меньше рассказывай о своих бедах людям! У них у каждого своё горе, не стоит на кого-то перекладывать свою боль!»

Вот она и не перекладывала. Да только ей стало казаться, что уже никогда не сумеет полюбить она. Как выжженная пустыня становилось всё в душе её...

Друзья, а чаще недруги, ей говорили- «Ты как птица Феникс! Ничего тебя не берёт, из пепла возрождаешься!» Друзья – с восхищением, недруги – с тайным желанием, чтобы «взяло», наконец. Но что-то держало её, хотя иногда казалось, ещё немного и она сумеет разорвать своё сердце. В такие минуты она молилась: «Господи, пусть моя воля не перебьёт твою!» И пела Крис свою песнь о Любви... Чтобы встретила её душа, звучащая с ней на одной волне. Никому не говорила о том Крис, что зовет она, зовет того единственного.

Песню такую научила её петь когда-то давно бабушка, а ту – другая бабушка. Все женщины их рода знали песню эту.

И вот, сегодня ночью приснился ей цветок нежного цвета и такой звук раздавался, знакомый да ласковый... Так прекрасен был цветок тот, нектаром наполненный... И узнавала Крис цветок этот – для неё он был любим и ясен.

Крис узнала эту мелодию – то была песнь её Любви. Отозвалась душа родная, звучащая с её душой одной Песней Любви.

«Господи, – прошептала Крис, – пусть моя воля не перебьёт волю твою!»

Крис шла на встречу Любви... И вновь, как Птица Феникс, полыхнуло пламенем ярким сердце её!

«Я Люблю! Я люблю!» – пела душа её. И эхом отозвалась ей Песня Любви души, идущей к ней на встречу!

Боль

Сонечка очень страдала. Она болела любовью, той, что не сложилась... Ей казалось, что всё очень плохо, больно. Она жалела себя, и этим жалила ещё глубже. Всё вокруг сжималось от этой жалости. А ведь совсем недавно ничто не предвещало...

Нет, она опять обманывала себя. Были, были предвестники бури... Ей не хватало сил, чтобы дождаться, пройти через кошмар недоверия... К нему, к себе... От бесконечных обвинений, которые прокручивались у неё в голове, как ржавая

карусель. «Сама виновата, сама виновата» ... Вата, вата...
Сплошная вата в голове.

Её воспаленный мозг отказывался воспроизводить что-либо хорошее, так как сразу за хорошим шла обида. «Какой орган будем портить? «Что на этот раз?» – насмешливо спрашивала Обида. Сонечка не любила, когда она такая. «Нет, я всё ему скажу, я ему напишу письмо, пусть прощальное, но он должен знать, как мне больно.»

Она схватила ручку и стала описывать свои обиды. Их не становилось меньше, карусель всё скрипела... Что это? Перо ручки скрипело, царапая бумагу. Вот эти слова, написанные ею, приносили боль в сердце Любимого. Раны. Бесконечные раны. Как она могла? Слова болючие да колкие... А он? Он-то хорош... Мысли противно звенели, образовав мутное облако вокруг её головы...

Сонечка вспоминала, как жаром полыхнуло всё внутри её, казалось, ещё чуть-чуть и

...Как там в песне? «И треснул мир напополам, кипит разлом. И льется кровь – идет война добра со злом. И меркнет свет, в углах паук плетет узор. По темным улицам летит Ночной Дозор...»

Ей вспомнился паук, которого они с Любимым прошлым летом обнаружили в углу окна. Вернее, обнаружила она... Паук был такой огромный и от него шла волна, парализующая движение. Стало очень страшно. Паутина, которую сплёл паук, была толстая и крепкая. В их местности таких

пауков никогда не было... Любимый снял его и выбросил...

Паук висел как раз над тем диваном, где любил отдыхать Любимый.

Вот тогда —то всё и началось. Он ей говорил – «Не бойся ничего, я тебя никуда не отпущу, я крепко держу тебя. Всё зависит от нас двоих» – говорил ей Любимый. И она верила, верила, верила...

Потом что-то пошло не так... Сонечка старалась предупредить Любимого, но ничего не получалось... Он перестал её слышать. А она – его.

«Мы уперлись в друг друга правдами, оба правые, но несчастливые...» А она не хотела быть правой, она хотела быть счастливой.

Паук. Липкая толстая паутина. И в ней, в этой паутине, узором было выложено —«Не верь, бросит! Гони, не бывает так. Всё плохо, а будет ещё хуже.» И, вспоминая это, Сонечка всё больше теряла силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.